

ПОМЕТКИ И. С. ТУРГЕНЕВА НА ПЕРЕВОДЕ «ФАУСТА» М. ВРОНЧЕНКО

I

В библиотеке Института Русской Литературы при Академии Наук в Ленинграде хранится поступивший из архива Полонских экземпляр книги «Фауст. Трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко, 1844. В привилегированной типографии Фишера. Санктпетербург». Автограф-подпись на титуле книги удостоверяет ее начальную принадлежность И. С. Тургеневу, а беглое ознакомление с многочисленными пометками и замечаниями, нанесенными на ее полях прежним владельцем, убеждает, что это был рабочий экземпляр, которым И. С. Тургенев пользовался в период писания статьи о русском переводе «Фауста»¹.

Статья была написана с необычной для Тургенева быстротой. Перевод М. Вронченко вышел в конце 1844 г., в январском номере «Отечественных Записок» 1845 г. была анонимно напечатана коротенькая о нем рецензия, обещавшая в дальнейшем подробный разбор перевода, а уже в следующей, февральской, книжке журнала появилась обстоятельная статья И. С. Тургенева. Н. Л. Бродский, установивший принадлежность Тургеневу анонимной рецензии в январской книжке «Отечественных Записок», писал по поводу быстроты появления статьи о «Фаусте»: «Блестящая характеристика германской литературы половины XVIII века, широкая осведомленность в литературе вопроса (ссылки на труды Бётхера, Ротчера, Гешеля, Фишера и др. ученых)—черты, резко бросающиеся в глаза при чтении статьи Тургенева,— все это лишний раз подтверждает исключительную образованность молодого Тургенева, способного в короткий срок дать ценный научный этюд, облеченный в яркую форму, за которой совсем не видны леса черной подготовительной работы»². Быстрота, с которой была написана статья, свидетельствует однако еще в большей мере об остроте интереса Тургенева к творчеству Гете и об его осведомленности в критической литературе о немецком поэте, за которую очевидно писатель внимательно следил и ссылки на которую мог мобилизовать в короткий срок³. О том же говорят многочисленные пометки и записи на полях тургеневского экземпляра книги Вронченко, показывающие, что заключительная часть статьи, посвященная оценке и разбору русского текста «Фауста», была основана на очень тщательном изучении переводов и сличении его с подлинником.

Статья Тургенева о «Фаусте» явилась одной из первых крупных критических работ писателя и представляет особый интерес для установления теоретических принципов его философской художественной критики, остающейся до настоящего времени научно необследованной⁴; эта статья является одновременно знаменательным этапом в истории интерпретации трагедии Гете на русской почве. Тургенев подходил к «Фаусту» с позиций гегелианства и в ряде положений сходиллся с немецким критиком-гегелианцем Фр. Фишером, на которого неоднократно и ссылался как в своей статье, так и в заметках на полях русского перевода «Фауста»⁵. В задачи настоящей статьи не входит однако постановка вопроса о гегелианской интерпретации «Фауста» Тургеневым, задание ее—опубликовать наиболее значительные из заметок писателя к русскому «Фаусту», заметок, показывающих, с каким напряжением велась борьба за новую трактовку трагедии Гете. Маргиналии Тургенева представляют интерес в том отношении, что в них с большей резкостью формулированы некоторые положения его статьи. В настоящей заметке приходится остановиться только на наиболее значительных маргиналиях Тургенева, так как разнообразные пометки—отчеркнутые строки, подчеркнутые слова, нотабене, восклицательные знаки, односложные замечания—буквально испещряют книгу, и опубликование их вместе с текстом, к которому они относятся, привело бы к перепечатке доброй половины перевода М. Вронченко.

Прежде чем перейти к публикации намеченного материала, необходимо сделать одно общее замечание. Сличение пометок на книге по почерку и по чернилам убе-

ждает, что все они были нанесены Тургеневым в течение ограниченного промежутка времени. По содержанию своему все они относятся к работе над большой статьей-рецензией на перевод М. Вронченко, хотя часть их осталась в ней неиспользованной. Таким образом все пометки Тургенева в книге должны быть приблизительно датированы декабрем 1844—январем 1845 г.

Книга М. Вронченко состоит из следующих частей: 1) коротенькое предисловие переводчика (стр. 1—4); 2) стихотворный перевод «Посвящения», обоих прологов и первой части трагедии (стр. 1—232); 3) сокращенный прозаический перевод второй части трагедии (стр. 249—362); 4) заключительная статья М. Вронченко «Обзор обеих частей «Фауста» (стр. 395—432). Страницы 233—248 и 363—394 заняты примечаниями.

Наибольшее число заметок Тургенева касается перевода первой части трагедии; наиболее резкие и развернутые замечания вызвал «Обзор» переводчика. Страницы прозаического перевода второй части «Фауста» не носят никаких следов пометок писателя.

II

Пометки на полях предисловия не представляют существенного интереса. В четырех местах нотабеной отмечены строки, с которыми Тургенев полемизирует в статье.

Из пометок к «Посвящению», прологам и первой части «Фауста» необходимо, первым делом, выделить общие оценки перевода отдельных сцен или больших отрывков из них.

Стр. 1. К переводу «Посвящения» отнесено общее замечание
«(п л о х о, з а ч е м б е з ц е з у р ы?)».

Стр. 121. В конце сцену «Кухня ведьмы» Тургенев помечает:
«Э т а с ц е н а х о р о ш о п е р е в [е д е н а]».

Стр. 135. Против заглавия сцены «Дом соседки» та же пометка:
«(Э т а с ц е н а х о р о ш о п е р е в е д е н а)».

Стр. 164. Под заглавием «Комната Гретхен» помечено:
«п л о х о».

Стр. 209. Наверху страницы, перед сценой «Сновидение в Вальпургиеву ночь или золотая свадьба Оберона и Титании» пометка:
«о ч [е н ь] х о р о ш о п е р е в [е д е н о]»⁶.

С одобрением отмечены также отрывки:

Стр. 38. Хор женщин

Елеем и миром

Его мы омыли и т. д.

На полях: «х о р о ш о».

Стр. 45. Монолог Фауста

От светлого взора весны животворной и т. д.

На полях: «х о р о ш о».

Неудовлетворенным остался Тургенев переводом песни Маргариты

Стр. 130. Жил царь с своей подругой.
Подруга умерла... и т. д.

На полях: «п л о х о».

Другие заметки, относящиеся к отдельным строкам и выражениям стихотворного перевода М. Вронченко, указывают 1) на неточность перевода, проистекающую в отдельных случаях от неправильного понимания текста, 2) на стилистические неровности перевода и 3) на формальные дефекты стиха.

Замечания первой группы обычно формулированы кратко: «н е т о», «с о в с е м н е т о», «н е я с н о». Развернутые формулировки встречаются реже, некоторые из них будут ниже приведены.

Стр. 1. И грусть о всем, чем бытие земное
Изукрашало прежде свой полет⁷.

На полях: «с о в с е м н е т о».

Стр. 25. Тогда ты бег светил познаешь,
И, научен природой, там

И. С. ТУРГЕНЕВ

Рисунок карандашом К. Горбунова (1846 г.)
Третьяковская Галерея, Москва

Душой окрепшей испытась,
Как духи говорят духам⁸.

На полях: «NB не понят смысл подлинника».

Стр. 31. Ищи ты выгод честною стезею,
Не будь трешеткой площадною!⁹

Слова, набранные разрядкой, подчеркнуты Тургеневым, на полях его пометка «не понят подл [инник]».

Стр. 122. И кажется, при том, умна!¹⁰

На полях: «schpirrisch, не то?»

Стр. 168. Природа ж — звук и дым,
Темнящий огонь небесный¹¹.

Слово, набранное разрядкой, подчеркнуто Тургеневым. На полях: «N a m e?»

Стр. 186. По книжке наобум
Лепетала молитвы¹².

На полях: «Не знает немецкого языка».

Стр. 221. Фауст
Что-то сеют, над чем-то кадят.¹³

На полях: «В [ронченко] не понял глагола: weihen». В ряде случаев Тургенев набрасывает свой собственный прозаический перевод.
Стр. 15. Против стихов из «Пролога на небе»¹⁴

Моря колеблются; на бреге
Недвижны горы и поля —
Недвижны там, но в общем беге
С собой их двигает земля.

Тургенев ставит «NB» и дает свой перевод: «Вскипает море широкими струями у подножия скал... И скалы и море увлечены вечно быстром стремлении миров».

Стр. 16. Такой прозаический перевод набросан со значком «NB» против строк

Но в целом нет уничтоженья
И стройность неизменна в нем¹⁵.

«Но слуги господачтут тихое шествие дня».

Стр. 192. И вдруг растелется нитями
И водометом вверх забьет!

На полях: «не вверх водометом — вниз потоком».¹⁶

Наиболее многочисленная группа пометок, имеющих в виду стилистические неловкости русского текста, построение перевода на лексическом материале, смысловая окраска которого расходится с подлинником.

Стр. 33. Глупец — он все еще надеждами богат!

Слово, набранное разрядкой, подчеркнуто Тургеневым. На полях: «NB Ф [а у с т]у не до ругательств».

Стр. 33. Быть к вечной истины зеркалу близким.

К этой строке Тургенев делает примечание: «род. падеж перед имен.— между тем как у Г [ете], при всей торжественности слога язык естественный».

Стр. 44. Пускай друг друга дуют в рыло

Набранное разрядкой подчеркнуто Тургеневым. На полях: «ф у й!»

Стр. 77. И кончит время свой полет!

На полях: «к а з е н н о».

Стр. 81. Конечно микрокозмом я
Назвал бы ваше высокостепенство.

На полях: «у х!»

Стр. 221.

Мефистофель
Пускай их! едем!

На полях: «М [е ф и с т о ф е л ь] п р о с т о г о в о р и т: М и м о! м и м о!»

Гораздо меньше внимания обращено Тургеневым на формальные элементы стиха. Из незначительного числа замечаний этого рода отметим два. В цитированной уже оценке перевода «Посвящения» Тургенев отмечал: «п л о х о, з а ч е м б е з ц е з у р ы» (стр. 1). Несколько дальше, на стр. 7, он подчеркнул недостаточные, с точки зрения дворянской поэтики 30—40-х годов, рифмы

Особенно ж дай больше приключений,
В театре зритель хочет зреть!
Когда возня идет на сцене.

Следует оговорить еще две-три тургеневских заметки на полях, остающиеся вне названных трех основных рубрик.

Одно из них вызвано цензурным искажением русского текста «Фауста».

Стр. 16.

Перед творцом и я уничтожен;
Но чуждый вас объемлющей любви,
Я не способен к песням славословий—
Восторг мой был бы странен и смешон ¹⁷.

К этим строкам из монолога Мефистофеля М. Вронченко дает примечание: «В подлиннике эта часть мефистофелевой речи гораздо сильнее выражает характер чорта, нежели в переводе».

Тургенев же отмечает против этого четверостишия: «Н е с л е д о в а л о б ы п е р е в о д и т ь».

Иного рода пометка сделана к монологу Фауста

Стр. 51.

Блажен, кто все еще надеждою питаем
Увидеть свет сквозь заблуждений тьму!

Против этих стихов Тургенев отмечает: «С р а в н и т ь с п е р е в о д о м В е н е - в и т и н о в а» ¹⁸.

Стр. 130. Против песни Маргариты

Жил царь с своей подругой

Тургенев намечает себе задание: «п е р е в е с т и э т о».

Все приведенные заметки Тургенева носят дробный характер, касаются преимущественно техники перевода и, будучи сведены в одно, могут—самое большее—характеризовать отношение писателя к проблеме перевода. Но перевод художественного текста не является механическим перенесением произведения из одной языковой системы в другую, перевод является одновременно своеобразной интерпретацией произведения, приспособлением его к новой читательской аудитории, к новой социальной среде. В лице рецензента И. С. Тургенева и переводчика М. Вронченко столкнулись два интерпретатора «Фауста», исходившие в своем осмыслении трагедии Гете из резко отличных, социально-антагонистических установок. Философская, гегелианская, интерпретация трагедии у Тургенева определялась его позицией идеолога прогрессивного обуржуазивающегося либерального дворянства, оформлявшего в сороковых годах систему своих художественных, общественных и политических воззрений на путях усвоения и переработки буржуазной гегелевой философии. М. Вронченко—идеолог реакционного аграрного дворянства, резко враждебного к философским увлечениям либерального дворянского молодняка. Вражда эта была тем сильнее, что путь от теоретических споров в московских философских кружках к разрушительной революционной деятельности Герцена и Бакунина был уже проиллюстрирован на примере эволюции радикального разночинца Белинского, пришедшего через период «примирения с действительностью» к общественной критике последнего периода своей деятельности. Отсюда враждебность Вронченко как идеолога своего класса к философской интерпретации художественных произведений и противопоставление «лукавому мудрствованию» здравого смысла и освященной официальным православием патриархально-крепостнической морали. Если для Тургенева Мефистофель—«олицетворенный элемент целого человека Фауста», «смело выговоренный Фауст» и вместе с тем «олицетворенное отрицание» и «новое время», «XVIII век» (но «всякое, даже положительное начало должно при первом появлении

своем носить характер отрицательный»), а трагедия Фауста—трагедия замкнувшегося в эгоистических стремлениях человека, то для М. Вронченко Мефистофель—«дух зла», почти христианский чорт, а трагедия Фауста сбивается у него на трагедию христианина, предавшегося пустым мудрствованиям и сошедшего с пути праведного. Такую интерпретацию трагедии Гете, обоснованную в статье М. Вронченко «Обзор обеих частей Фауста», Тургенев осыпает стрелами сарказма в своей рецензии, но эта интерпретация сказала также в самом тексте перевода М. Вронченко. Тургенев зорко следил за переводчиком и отмечал на полях все строки русского текста, в которые М. Вронченко влагал свое толкование произведения Гете.

Стр. 18. Рад мудрствовать во весь свой век,
А мудрствуя нельзя не заблуждаться.

К этим строкам из «Пролога на небе» М. Вронченко делает примечание: «В точности: «стремясь (т. е. вперед)» или «домогаясь (т. е. желаемого)». В подлиннике это выражено одним словом «streben». Тургенев многозначительно помечает против приведенных строчек «NB!»

Стр. 26. Не властен ум их разгадать
На полях: «NB trocknes Sinnen».

Стр. 50. Но сбившись с толку, все к одной головоломной
Своей системе приводил

На полях: «О пять замашки против философ [и и].»

Стр. 84. И мать уговорил сюда меня пустить,
Хочу чем дельным голову набить

Набранное разрядкой подчеркнуто Тургеневым. На полях: «За это надобно Вр[онченко] посечь».

Стр. 88. Не в философию ль залезть мне наконец?

Слово, набранное разрядкой, подчеркнуто Тургеневым. На полях укоризненная пометка: «Г. Вр[онченко] о!»

«Замашки» против «мудрствования», против философии, которая была переводчиком подставлена на место теологии в последнем примере, естественно сочеталась у М. Вронченко с откровенно реакционными политическими выпадами, отмеченными Тургеневым.

Реплику Мефистофеля в сцене «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»

Das Volk ist frei, seht an, wie wohl's ihm geht!

Вронченко переводит, вкладывая в нее отсутствующий в подлиннике политический смысл.

Стр. 104. Что, славно свободы торжество?

Пометка на полях: «Э то о п я т ь ч т о з а в з д о р ?»

III

Вызванная столкновением двух систем интерпретации трагедии полемика между рецензентом и переводчиком только слабо намечена на полях стихотворного текста первой части «Фауста». Решительный бой был дан Тургеневым на дальнейших страницах книги, его критические удары сыпались здесь на прямые высказывания переводчика в статье «Обзор обеих частей Фауста». Нотабены и вопросительные крючки рецензента сменяются развернутыми замечаниями, в которых насмешка над ненавидящим «лукавые мудрствования» переводчиком перемежаются с обвинениями в непонимании текста и уличением в сервиллизме.

Маргиналии к «Обзору обеих частей Фауста» представляют наибольший интерес из всех пометок Тургенева на полях книги М. Вронченко и приводятся полностью, вместе с текстом, к которым они относятся, в последовательном порядке. Неоговоренными остаются некоторые нотабены и графические знаки.

Стр. 369. Шмуцтитул.

«ОБЗОР ОБЕИХ ЧАСТЕЙ ФАУСТА».

Под заглавием статьи итоговое заключение И. С. Тургенева: «NB. Сказанное о 2-й части все справедливо; но первой части Г-н Вр[онченко]

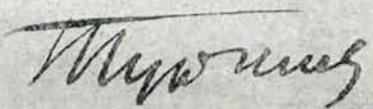
ФАУСТЪ,

ТРАГЕДІЯ

Соч. Гете.

*Переводъ Первой и Изложене
Второй Части.*

М. ВРОНЧЕНКО.

1844.

ВЪ ПРИБИЛЕГЪРОВАННОЙ ТИПОГРАФИИ ФИШЕРА.

СААНТЪ-ПЕТЕРЪБУРГЪ.

постъ

Въ подвалъ разъ крыса жить пошла .
 Какъ на спокойный хуторъ ,
 Все ѣла жиръ тамъ и была
 Толста , какъ докторъ Лютеръ .
 Ей поваръ яду далъ , и вотъ
 У крысы заболѣлъ животъ ,
 Какъ отъ любовной страсти . 73

хоръ

Какъ отъ любовной страсти .

БРАНДЕРЪ

Бѣдняжка бѣгаетъ и поетъ
 Водицу въ каждой лужѣ ,
 И все скребеть , и все грызеть ,
 И все бѣдняжкѣ хуже !
 Вотъ , стала прыгать , и не въ мочу
 Пришло ей наконецъ , точь въ точь
 Какъ отъ любовной страсти !

хоръ

Какъ отъ любовной страсти .

БРАНДЕРЪ

Тоска среди бѣла-дня вдуруъ
 Ее на кухню гонить ;
 Тамъ крыса пама и отъ мукъ
 Дрожить , шыхтить , да стонеть ;
 А поваръ съ смѣхомъ говорить :
 Ай , славно , кумушка ! п — ,
 Какъ отъ любовной страсти !

хоръ

Какъ отъ любовной страсти .

Но провалъ! въ кувшины
 и въ миски съ саломъ - а
 мушкетеры не могли, ахъ.
 Вода - пѣшь на все
 leten hoch .. п - з ! !

ОБЗОРЪ

ОБЪИХЪ ЧАСТЕЙ

ФАУСТА.

М. Стахурская о 2-й части въ издании Гете,
по кельвской части в-го кр. не помню себе.
въ анализе удержаны раздѣлы, которые
нѣтъ логическаго связи съ раздѣломъ, къ которому
не относятся.

чувственная, слѣдственно и своекорыстная. Невинное, простосердечное дитя, Маргарита падаетъ, едва подозревая, что такое значить паденіе женщины. Вслѣдъ за тѣмъ опомнившійся Фаустъ покидаетъ свою жертву, удаляется въ пустыню, предается тамъ созерцанію природы и собственной души своей. Но для Мефистофиля недостаточно одного паденія Маргариты; онъ желаетъ завлечь Фауста далѣе, снова разжигаетъ чувственность въ его сердцѣ, и Фаустъ возвращается къ Маргаритѣ, хотя видитъ, что губить тѣмъ ее и себя самого.

Послѣдствія возвращенія ужасны: мать Маргариты умираетъ отъ слишкомъ сильнаго, или можетъ быть частаго, приема опиума; Валентина убиваетъ Фаустъ; Маргарита дѣлается матерью, утапливаетъ свое дитя и какъ убійца осуждается на смерть. Между тѣмъ Мефистофиль заманиваетъ Фауста на шабашъ вѣдьмъ и «тѣшить тамъ его пошлостями» то есть, говоря яснѣе, увлекаетъ въ грязные вертепы разврата. Фаустъ однако не закоснѣлъ въ пороки; и среди шабашнаго разгуля онъ угадываетъ бѣдственное положеніе Маргариты; умственнымъ окомъ видитъ ее, неподвижную, мертвоглазую, съ красной на шеѣ чертою, намѣкомъ на ударъ палачовой сѣкиры; видитъ, и спѣшитъ къ ней на помощь. Препятствіемъ къ избавленію служить сама Маргарита: полупомѣшанная отъ горя, она медлитъ; время проходитъ, настаетъ утро — Фауста уводитъ Мефистофиль, Маргарита остается во власти общественнаго суда, карающаго убійство смертію.

У Гете это
сказано въ
10-й пьесѣ
содержащей
ночь вѣдьмъ
и цѣль Фауста,
но не въ
См. фр. 170 и
171 стрелках.

ствомъ утилитарности и умираетъ , мечтавъ о достиже-
 нии своей утилитарной цѣли . По смерти Фаустъ про-
 щень . Когда же онъ перестаетъ мудрствовать ? ког-
 да находитъ путь истинный ? Разглагольствовать тутъ
 нѣчего : піеса , ясно и явственно , пришла не къ то-
 му концу , къ которому придти должна была —
 единства мысли въ ней нѣтъ . Авторъ это видѣлъ и
 для поправленія дѣла ставилъ въ послѣдней сценѣ ,
 что прощеніе заслуживается « безпрерывностью иска-
 нія » . Дѣло чрезъ то не поправлено ни мало , а меж-
 ду тѣмъ въ замѣну прежняго Положенія (душа нахо-
 дить путь истинный) введено въ піесу Положеніе но-
 вое , о которомъ дотошъ не было и помину . Положе-
 ніе это можетъ быть оспариваемо съ большою осно-
 вательностію ; независимо же отъ своей зыбкости оно
 вовсе не согласуется съ прочими данностями піесы ,
 выраженными въ Прологѣ : попробуемъ поставить
 его на мѣстѣ Положенія прежняго — выйдетъ , что
 Мефистофилю нѣчего и хлопотать о Фаустѣ , потому
 что непрерывность Фаустова исканія чортъ уже
 знаетъ , слѣдственно навѣрное знаетъ и будущій
 неуспѣхъ свой .

Зачѣмъ же авторъ привелъ піесу къ такому концу,
 который у ней отнимаетъ единство мысли ? Откуда
 выискалъ новое для піесы Положеніе ? Не заключается
 ли причина всего этого въ чемъ либо , существенно
 принадлежащемъ къ Фаустову характеру ? посмот-
 римъ — перейдемъ къ обзору нѣкоторыхъ лицъ в
 сценѣ отдѣльно .

2-й 2-й актъ Ф.
 Фаустъ — 7-й актъ
 Мефистофель ; но не
 фальшъ поучилъ, какъ
 въ 1-мъ актѣ сѣ
 у 1-го 2-го 1-го .

годъ за другимъ, до 1823-го. Ни той ни другой, конечно, не должно вѣрить во всеиъ—трудно положить на безпристрастїе старика, говорящаго о своей молодости; въ обѣихъ однако не подвержены сомнѣнію: во первыхъ событія, во вторыхъ тѣ черты, на которыя авторъ смотрѣлъ, какъ на прежніе свои недостатки. Изъ сличенія мѣстъ вѣролѣпнѣйшихъ видно слѣдующее.

Въ Гете рано началъ проявляться самобытный поэтъ и мыслитель. Съ самой первой молодости ему было противно господство общепринятыхъ въ литературномъ мїрѣ тѣсныхъ теорій, равно какъ и слѣпое уваженіе къ произведеніямъ, называвшимся тогда образцовыми. Никому не подражая, но стараясь пропикать въ человѣческую природу собственнымъ взоромъ, онъ во всякомъ сочиненіи за важное и главное почиталъ сущность, единство, смыслъ, направленіе; все же остальное, отдѣлку и языкъ, называлъ одеждою, которая можетъ быть сдѣлана такъ или иначе, лучше или хуже, безъ значительнаго вліянія на достоинство цѣлаго. При томъ, замѣтимъ, молодой поэтъ ставилъ выше всего природу, слѣдственно и естественность: даже по части живописи занимали его преимущественно тѣ картины, въ которыхъ изображенные предметы можно было сравнивать съ природою, а восхищали тѣ, въ которыхъ искусство побѣдило природу.

Еще раньше, нежели самостоятельныя сужденія, развернулася въ Гете страсть, или лучше сказать неодолима потребность: высказывать на бумагѣ все

Какая страсть!

не понял вовсе. С одним здравым рассудком, приправленным малороссийской злобой к разуму,—далеко не уедешь».

Стр. 375. ...если слушать мистиков, то Фауст ясно и неоспоримо написан в духе мистицизма; если слушать отъявленных врагов их, приверженцев Гегеля, то Гете Фаустом нанес мистицизму удар решительный!

На полях: «откуда, батюшка, изволили это почерпнуть?»

Стр. 376. ...Мы слышим [Фауст] есть произведение и «понятное только для посвященных в глубочайшие таинства философии» и «могущее быть понятным не теперь, а только в будущее время»...

На полях: «NB. Цитировать тут надобно Вишера».¹⁹

Стр. 377. При обзоре мы позабудем даже о самом существовании каких-либо философических систем, а по мере сил наших постараемся руководствоваться единственно—здравым рассудком: этот вождь надежнее всякого другого; по приговору этого нелicenseмного судии остается жить или умирает все, что ни создается как умом, так и воображением.

На полях: «в самом деле?»

Стр. 378. Сноска под строкой: * Études de Philologie et de Critique par M. Ouyaroff. S. Petersburg, 1843. Страница 347.

На полях: «здравый смысл видно умеет поподличать».

Стр. 379. Мефистофель находит на земле дурным все, вообще и в частности.

На полях: «NB—хорошо понял Мефистофеля».

Стр. 380. Сноска под строкой: * Слово мудрствовать, взятое отдельно, не может служить переводом немецкого streben; но в настоящем случае оно, кажется, выражает мысль подлинника довольно верно, а потому мы удержим его, за недостатком лучшего, в продолжение всего обзора.

На полях: «NB»

Стр. 381. Фауст найдет путь истинный—найдет именно тогда, когда перестанет мудрствовать...

На полях: «как о-с?»

...Заметим это последнее положение—когда перестанет мудрствовать: оно неизбежно истекает из двух предыдущих—из того, что «мудрствуя, нельзя не заблуждаться» и что душу Фауста «бог оденет светом». И так в продолжение пьесы Фауст должен: сперва, мудрствуя, итти путем Мефистофелевым, а потом перестать мудрствовать и, следуя неясному своему стремлению, найти путь истинный, озариться светом.

На полях: «б р а в о!»

Стр. 385. В следующей сцене (после появления пуделя в кабинете Фауста) однако он встречает Мефистофеля, как знакомого—это дает нам знать, что у них были свидания промежуточные.

На полях: «Об этом ни слова не сказано в поэме».

Стр. 387. ...избавши же плен и освобождение Мефистофеля, он [Гете] не мог не предать плена следствием случайности, потому что Мефистофель не мог иметь охоты попасть под власть Фауста умышленно, а Фауст не только не желал завладеть Мефистофелем, но и не думал о нем вовсе до самого пуделева видоизменения.

На полях: «О—деревянная башка».

Стр. 388. Со времени знакомства с Мефистофелем в нем [Фаусте] исчезли все утешительные мысли.

Набранное разрядкой подчеркнуто Тургеневым. На полях: «Только с этого времени?»

Стр. 390. Маргарита падает, едва подозревая, что такое значит падение женщины. Вслед за тем опомнившийся Фауст покидает свою жертву, удаляется в пустыню, предается созерцанию природы и собственной души своей.

На полях: «У Гете явно сказано, что это падение совершается после возвращения Фауста, что опять важно. См. стр. 170 и 171 перевода».

Стр. 391. [Мефистофель] видит, что вместе с гибелью для Маргариты страстию в сердце Фауста пробудились и другие чувствования, вовсе для чорта не желательные: страх, жалость, даже раскаяние.

На полях: «Понят Гете, нечего сказать».

Стр. 393. Он покидает Маргариту—покидает потому, что с любовью стал знать и жалость, видеть преступность своего поведения, стыдиться своего эгоизма.

Набранное разрядкой подчеркнуто Тургеневым. На полях: «О!»

Стр. 404. По смерти Фауст прощен. Когда же он перестает мудрствовать? когда находит путь истинный? Разглагольствовать тут нечего: пьеса, ясно и явственно, пришла не к тому концу, к которому притти должна была—единства мысли в ней нет. Автор это видел и для поправления дела сказал в последней сцене, что прощение заслуживается «беспрерывностью искания».

На полях: «Ч то 2 - а я часть Ф [а у с т а] г л у п а — э т о н е с о м н е н н о ; н о н е т а к г л у п а , к а к б ы х о т е л е е с д е л а т ь г - н В [р о н ч е н к о] .

Стр. 408. ...Гете-мужа, сказавшего в Прологе, что Фауст должен перестать мудрствовать, найти путь истинный, озариться светом.

Слово, набранное разрядкой, подчеркнуто Тургеневым. На полях: «О д н а к о — ч о р т в о з ь м и — э т о с л и ш к о м ! — с а м г - н В [р о н ч е н к о] г о в о р и т , ч т о о н л о ж н о п е р е в е л с л о в о s t r e b e n , и п о т о м в с е с т р о и т н а э т о м л о ж н о м п е р е в о д е ! ! »

Стр. 410. Родительницы. Собрав в одно целое главные черты, которыми изображают Родительниц Фауст и Мефистофель, мы находим вот что: Родительниц можно бы было понять за сокровенные силы человеческой души.

На полях: «Э т о в о в с е н е п о н я т о .

Стр. 412. Где по поводу личности породилась острота общепонятная... там мы тешились острою и забываем о ее происхождении, но где частность осталась частностью—например в словце об Ильзенштейнской сове—там она кажется излишней вставкою...

На полях: «Э т о ч т о е щ е ? Э т а с о в а — у в е р я ю г - н а В [р о н ч е н к о] — в о в с е н е а л л е г о р и я .

Стр. 418. Никому не подражая, но стараясь проникать в человеческую природу собственным взором, он [Гете] во всяком сочинении за важное и главное почитал сущность, единство, смысл, направление; все же остальное, отделку и язык, называл одеждою, которая может быть сделана так или иначе, лучше или хуже, без значительного влияния на достоинства целого.

На полях: «к а к о е в р а н ь е ! »

Стр. 427. Что ни одно из мнимых открытий [Гете] не признано впоследствии за дельное, и что все они в ученом мире уже забыты—разумеется само собою.

На полях: «И с к л ю ч а я т е о р и и о ц в е т а х , п о н е м н о г у п р и н я т о й в с е м и .

Стр. 431. Что именно в ней [2-й части «Фауста»] высоко ценится теми, которые ее предпочитают и первой части и всему на свете?

На полях: «к т о ж е т е ? »

Стр. 431—432. ...в наше время уже позволительно сознать, что непомерно высокое мнение о второй части породилось и еще кое-как поддерживается только потому, что она есть—сочинение Гете.

На полях: «К а к б у д т о В р [о н ч е н к о] п е р в ы й . — N B ц и т и р о в а т ь Ф и ш е р а »

В статье о «Фаусте» Тургенев писал: «...несколько лет назад, при появлении перевода «Фауста» г-на Вронченко, мы готовы были бы отделаться похвалами, назвать труд переводчика «событием» и т. д. Теперь же... мы не намерены расточать преувеличенные похвалы нашей публике... мы не скажем ей, что в последнее время она окончательно поняла и изучила Гете и дошла, например, до ясного сознания того, что такое «Фауст», как произведение немецкое, и в какой степени это произведение должно занимать нас—русских... сознание нашей публики в последние годы возмужало и окрепло... ее здравый смысл требует положительных доказательств... действительно ли «Фауст» такое громадное создание?»

В этих строках речь шла разумеется не только об эстетической оценке трагедии Гете («время безотчетных порывов и восторгов прошло... безвозвратно», «нам теперь нужны не одни поэты»). Тургенев ставил своей задачей выяснение общественной актуальности «Фауста» («в какой степени это произведение должно занимать нас—русских»), интерпретацию произведения в свете общественных задач, вставших перед «людьми сороковых годов». Тургеневское понимание трагедии и смысл его борьбы за это понимание устанавливается при анализе его статьи, но в ней острота постановки темы сглаживается нормами иронически-вежливой речи библиографического отдела «толстого» журнала. В пометках на полях она проявляется с непосредственной резкостью. В этом основной интерес маргиналий Тургенева.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга была на Тургеневской выставке 1909 г., в каталоге которой описана под № 235: «Фауст. Трагедия. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко. 1844. СПб. С автографом И. С. Тургенева. Экземпляр этот интересен и важен тем, что весь исписан собственными замечаниями И. С. Тургенева о неверностях и неточностях перевода, вроде таких: «не то», «не ясно», «что это за вздор?» и т. п. Собств. Б. Я. Полонского». См. Ф. А. Витберг и Б. Л. Модзалевский, Каталог выставки в память И. С. Тургенева. 2-е изд., СПб., 1909, стр. 39—40.—Кроме воспроизводимых на стр. 949—954 шести страниц из этого экземпляра, две страницы воспроизведены к статье В. Жирмунского (на стр. 637—638).

² Н. Л. Бродский, Анонимная рецензия И. С. Тургенева.—См. сборник «И. С. Тургенев» (Центрархив. Документы по истории литературы и общественности. Выпуск второй). ГИЗ. М.-Л., 1923, стр. 103.

³ О повышенном интересе писателя к «Фаусту» в начале 40-х годов свидетельствует между прочим появление незадолго до выхода книги М. Вронченко тургеневского перевода «Последней сцены первой части «Фауста» («Отеч. Зап.» 1844, кн. VI. Под переводом дата: сентябрь 1843 и подпись Т. Л.). Интерес этот, как известно, не оставлял писателя и позднее. Так в 1852 г. он обещал Н. А. Некрасову для первого номера «Современника» за 1853 г. статью «О Мерке», «Человеке, с которого Гете списал своего Мефистофеля» (см. письмо И. С. Тургенева к Н. А. Некрасову от 18 ноября 1852 г.—«Русская Мысль» 1902, кн. I, стр. 118).

⁴ Рубрики попытки в этом направлении намечены в брошюре В. Н. Горбачевой, Молодые годы Тургенева. Казань, 1926.

⁵ Ссылки Тургенева на Фишера носят беглый характер; из сопоставления их следует, что имелась в виду работа «Die Litteratur über Göthe's Faust. Eine Uebersicht von Fr. Vischer», печатавшаяся с 10 января по 19 марта 1839 г. в издании «Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst, №№ 9—67.

⁶ В статье о «Фаусте» только две сцены из перевода заслужили одобрения Тургенева: «Сцена у ведьмы», сцена в «Доме соседки» даже очень хорошо переведены.

⁷ В оригинале: Der Schmerz wird neu, es weiderholt die Klage.
Des Lebens labyrinthisch irren Lauf.

⁸ В оригинале: Erkennest dann der Sterne Lauf,
Und wenn Natur dich unterweist,
Dann geht die Seelenkraft dir auf,
Wie spricht ein Geist zum andern Geist.

⁹ В оригинале: Such' Er den redlichen Gewinn!
Sei Er kein schelenlauter Thor!

¹⁰ В оригинале: Und etwas schnippisch doch zugleich.

¹¹ В оригинале: Name ist Schall und Rauch,
Umnebelnd Himmelsglut.

¹² В оригинале: Aus dem vergriffnen Buchelchen
Gebete lalltest

¹³ В оригинале: Sie streuen und weihen.

¹⁴ По цензурным соображениям «Пролог в небе» озаглавлен в переводе Вронченко: «Пролог II. В пространстве» («Горнее пространство»—в другом месте перевода); из цензурных же соображений имена архангелов Рафаила, Гавриила и Михаила переданы: 1-й дух, 2-й дух, 3-й дух.

¹⁵ Эти строки соответствуют следующим строкам подлинника:

Doch deine Boten, Herr, verehren
Das sanfte Wandeln deines Tags.

¹⁶ Нелепую ошибку переводчика отмечает также Тургенев на стр. 96. См. воспроизведение этой страницы.

¹⁷ Весь монолог Мефистофеля в «Прологе на небе», совершенно неприемлемый для цензуры Николая I, в переводе искажен.

¹⁸ Тургенев имеет в виду «Отрывки из Фауста. I Фауст и Вагнер (За городом)». См. «Сочинения Д. В. Веневитинова, часть первая. Стихотворения 1829», стр. 119—123.

¹⁹ Повидимому описка—следует «Фишера». В гетееане 30—40-х годов работ В и ш е р а не зарегистрировано.